

ШТЫКОВАЯ АТАКА И ШТЫКОВОЙ БОЙ В СРАЖЕНИЯХ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ЭПОХИ

Более десяти лет назад О.Г. Леонов развеял старый миф о том, что русские пехотинцы в наполеоновскую эпоху были хорошо обучены сражаться штыками¹. Он также затронул вопрос о роли штыковых атак в тактике европейских армий той эпохи. Задача данной статьи – рассмотреть этот второй вопрос более обстоятельно.

Штыковая атака – это движение пехоты прямо на противника скрым шагом без стрельбы или почти без стрельбы. Это был достаточно стандартный тактический прием, который был известен во всех европейских армиях и часто применялся уже в XVIII в., в эпоху линейной тактики. Так, прусский король Фридрих II еще в 1740-х гг. увлекся идеей штыковой атаки, и его пехота не раз производила такие действия в сражениях Семилетней войны 1756–1763 гг.² А знаменитый А.В. Суворов был самым последовательным сторонником штыковых атак.

Многие офицеры XVIII и XIX вв. отмечали, что массовый штыковой бой пехоты на более или менее открытой местности был очень редким явлением³. Некоторые офицеры говорили, что никогда не видели такой бой или видели только один раз за всю свою военную карьеру. Например, граф Александр-Луи Андро де Ланжерон (Alexandre-Louis Andrault de Langeron), французский офицер, с 1790 г. состоявший на русской службе (в России его называли Александр Федорович), участник штурма Измаила в том же году и многих больших сражений наполеоновских войн, который не раз посыпал русскую пехоту в штыковые атаки, писал в 1820-х гг.*:

...В штыки [à la bayonnette]. Это выражение, такое обычное в донесениях во всех странах, может заставить всех дам и всех муж-

* Здесь и далее перевод авторов.

чин, которые не бывали на войне, думать, что два отряда пехоты сцепились и убивали друг друга ударами штыков, [но] это не так. ... Я много бывал на войне, и, за исключением штурмов [assauts], я никогда не видел двух отрядов пехоты, действительно атаковавших друг друга в штыки [*à la bayonnette*]; также как никогда я не видел двух столкнувшихся отрядов кавалерии. Всегда одна из сторон уходит до того, как другая приходит; но я видел, как кавалерия врывалась в пехоту, два-три раза за всю мою военную жизнь⁴.

Таким образом, Ланжерон утверждает, что выражение «в штыки» означает штыковую атаку, но не подразумевает штыкового боя. Следует отметить, что Ланжерон в процитированном выше «Дневнике» (*Journal*) упоминает применение штыков во время боев в населенных пунктах – например, в селении Сокольниц (Sokolnitz) в битве при Аустерлице (Austerlitz, 2 декабря 1805 г.)⁵. Он также сообщает, что на реке Березине (28 ноября 1812 г.), когда пехота обеих сторон билась в лесу в рассыпанном строю, некоторые русские солдаты сражались в штыки индивидуально⁶.

Особое место в ряду подобных событий занимает эпизод сражения на Кацбахе (Katzbach, 26 августа 1813 г.), которое произошло под проливным дождем. Ланжерон пишет: после того как французы вышли из деревни Хеннерсдорф (Hennersdorf), двинулись на высоту Вайнберг (Weinberg), принудили к отступлению русские войска, защищавшие эту высоту, и заняли ее, Ланжерон приказал генералу Олсуфьеву «захватить обратно эту гору любой ценой».

...Он [Олсуфьев] исполнил это столь же быстро, сколь и храбро: [пехотные] полки Нашебургский, Ряжский и Якутский... выдвинулись в сомкнутых колоннах на эту высоту, прогнали [chassèrent] противника и преследовали [poursuivirent] его до деревни, часть которой они захватили.

Дождь настолько намочил ружья, что никто не мог стрелять, и они сражались в ближнем бою [corps à corps, буквально «тело к телу»] ударами прикладов и штыков.

<...>

Ни темнота, ни дождь не положили конец бою, который продолжался до одиннадцати часов вечера в деревне Хеннерсдорф⁷.

Подобным же образом описываются все эти события и в «Журнале военных действий левого крыла Силезской армии ге-

нерала-от-инfanterie графа Ланжерона»: начало почти дословно совпадает с первым абзацем приведенной выше цитаты, затем идет рассказ о действиях других русских войск, а фраза про дождь, ружья, штыки и приклады находится дальше по тексту и выглядит несколько иначе:

...Темнота сделала конец сражению, продолжавшемуся до 11 часов в дер. Геннерсдорф; ружья, замокшие от дождя, давно уже не стреляли, люди дрались штыками и прикладами⁸.

Существует еще одна версия «Журнала военных действий...» войск Ланжерона, опубликованная в Военном журнале в 1838 г. Содержащееся в ней описание боя за высоту и деревню практически ничем не отличается от двух предыдущих:

...Неприятельские колонны, выступив из Геннерсдорфа, овладели было высотою ... но генерал-майор Удом, стоявший позади оной с полками 9-й дивизии, бросился густыми колоннами в штыки, опять овладел высотою и прогнал неприятеля в селение. <...>

Левое крыло наше опять овладело частью селения Геннерсдорф. <...>

Темнота ночи прекратила сражение, продолжавшееся с 9 часов утра до 10 часов пополудни. Ружья, замокшие от дождя, давно уже не могли стрелять, почему войска сражались более холодным оружием⁹.

Из всех этих документов видно, что русские полки быстро прогнали французов с высоты Вайнберг, а ближний бой с применением штыков и прикладов происходил в деревне Хеннерсдорф. Однако в капитальном труде по истории войны 1813 г. знаменитого русского военного историка середины XIX в. М.И. Богдановича этот эпизод излагается в таком виде:

Генерал Олсуфьев, получив от графа Ланжерона приказание отнять у неприятеля сей важный пункт, послал в огонь Нашебургский, Ряжский и Якутский полки, которые, под начальством генерал-майора Удома 2-го, устремились на высоту и сбили французов. Как от проливного дождя все ружья замокли и нельзя было стрелять, то здесь завязалась жаркая рукопашная схватка; войска дрались штыками и прикладами¹⁰.

После этих слов в труде Богдановича делается ссылка на некие «Военные записки (Журнал) генерала от инfanterie графа Ланжерона», но без выходных данных издания или указания архивного документа. Однако, как можно видеть, описа-

ние Богдановича существенно отличается и от рассказа самого Ланжерона, и от «Журнала военных действий...»: опущены слова о том, что русские преследовали французов и захватили часть деревни, зато появилась «жаркая рукопашная схватка», которая произошла «здесь», т. е., по контексту, на самой высоте Вайнберг, что не соответствует ни одному из приведенных выше документов. Возможно, Богданович использовал в своей работе описание Кацбахского сражения, опубликованное в Военном журнале в 1817 г., в котором первый абзац из процитированного выше фрагмента записок Ланжерона переведен довольно точно, включая упоминание того, что русские прогнали французов и захватили часть деревни, а второй абзац изложен так:

Все ружья так замокли от проливного дождя, что невозможно было сделать ни одного выстрела. И тут уже произошла жаркая рукопашная схватка (курсив наш. – А. Ж., Ю. Ж.); русские работали штыком и прикладом¹¹.

Таким образом, у М.И. Богдановича искажен и этот текст, что привело к полному изменению картины события. К сожалению, подобного рода искажения, порождающие ошибочные представления о реалиях боевых действий той эпохи, не раз встречаются в трудах историков.

Обратимся к свидетельствам других участников наполеоновских войн. Антуан Анри де Жомини (Antoine Henri de Jomini), швейцарец, один из крупнейших военных теоретиков XIX в., который в ходе революционных и наполеоновских войн служил во французской армии, а в 1813 г. перешел на русскую службу, в 1830-х гг. сформулировал свои наблюдения о действиях пехоты:

...На войне, в боях пехоты, я видел только заранее развернутые [в линию] батальоны, которые начинали стрельбу взводами и затем мало-помалу переходили на стрельбу рядами; или колонны гордо маршировали на противника, который отступал, не дожидаясь удара, или отбивал эти колонны до действительного столкновения либо своей стойкостью, либо своим огнем, либо наконец сам переходя в наступление движением навстречу. Только в деревнях и в дефиле я видел действительные схватки [mêlées] пехоты в колоннах, головные части которых сталкивались в штыки [à la bayonnette]; на боевых позициях я никогда не видел ничего подобного¹².

Как можно видеть, наблюдения Жомини весьма похожи на процитированное выше высказывание Ланжерона: Жомини случалось видеть штыковые бои в деревнях и в дефиле, но он никогда не видел массовый штыковой бой в обычных условиях, т. е. на более или менее открытом месте – либо обороняющиеся отступали перед атакующими, либо атакующие не доходили до обороняющихся. Стрельба взводами (*feu de peloton*) – метод, при котором взводы в батальоне стреляли залпами по очереди, сначала нечетные (считая с правого фланга), потом четные, т. е. в батальоне из восьми взводов первым давал залп правофланговый взвод (1-й), потом один за другим 3, 5, 7, 2, 4, 6 и 8-й. Этот метод позволял поддерживать более или менее непрерывный огонь на фронте батальона. Стрельба рядами (*feu de file*) – метод, при котором в каждом взводе ряды сначала стреляли по очереди, один за другим, начиная с правофлангового, а после первого выстрела солдаты стреляли беспорядочно, как только успевали перезарядить ружья. Такой беспорядочный огонь часто называли батальным (*feu de bataille*).

Хотя штыковой бой в полевом сражении был большой редкостью, это не означает, что штыки совсем не использовались. В действительности штыками могли быть причинены довольно большие потери. Принц Евгений Вюртембергский (Friedrich Eugen Paul Carl von Württemberg), племянник матери императора Александра I, генерал русской армии, участник многих сражений наполеоновской эпохи, в том числе при Бородине и при Лейпциге, объясняет:

Оружием [Waffe] пехоты является огнестрельное оружие [Feuergewehr]. Из ста случаев штык девяносто девять раз служит больше украшением, чем колющим оружием. <...> Успешные штыковые атаки я наблюдал только там, где уже убегающий противник, задерживаемый в полном бегстве местными препятствиями, предоставлял ярости преследователей полный выход¹³.

Как можно видеть, Евгений Вюртембергский, также как Ланжерон и Жомини, указывает, что до реального применения штыков дело доходило редко. А если доходило – то не потому, что противники сходились лицом к лицу и сражались штыками, а потому, что солдаты одной из сторон, уже отступающие в беспорядке, задерживались в своем отступлении из-за каких-либо препятствий, и тогда их догоняли солдаты другой стороны. В результате происходил не бой, а избиение.

Евгений Бюртембергский отмечал, что для русских характерно особое пристрастие (*Lieblingsneigung*) «к холодному оружию», но в боях против них французы встречали эти атаки «хорошо направленным [ружейным] огнем», «не стыдились оставлять свое место», т. е. немного отступали; а затем «в нескольких шагах позади действовали тем же методом новым эшелоном»¹⁴.

С этим наблюдением принца Евгения согласуется свидетельство Василия Демчинского, в 1807 г. штабс-капитана в Полоцком мушкетерском полку. В своем письме генералу П.П. Коновничу, датированном 13 (1) марта 1807 г., он так рассказывает о битве при Прейсиш-Эйлау (8 февраля (27 января) 1807 г.):

Бонапарте своей армией атаковал наши войска с трех сторон, везде открыт сильнейший с орудий и ружей огонь, как с нашей, так и с неприятельской стороны; линии против линии, и, когда поблизости то наши бросятся на штыки, французские линии назад бегут, тут из французских колонн высыпают свежия линии, кои наших прогоняют, и часто при сей рейтираде (ретирада – отступление. – А. Ж., Ю. Ж.) расстраиваются и наши...¹⁵

Из рассказа Демчинского следует, что штыковой атакой русским удавалось отбросить передовые линии французской пехоты, но позади этих линий находились французские резервы в колоннах. Из этих колонн выдвигались свежие силы, которые заставляли русских отступать, и в ходе отступления русская пехота часто приходила в расстройство, т. е. ее строй разваливался.

Следует отметить, что Евгений, также как и Ланжерон, упоминает рукопашные схватки в населенных пунктах, в частности в самом городке Прейсиш-Эйлау, накануне знаменитой битвы. Русская 4-я дивизия под командованием генерал-майора А.А. Сомова была послана отбить город, только что занятый французами. Евгений рассказывает, что он лично находился при Тульском мушкетерском полку. По его словам, за Тульским полком последовали Тобольский, Полоцкий и Тенгинский мушкетерские полки, которые ворвались во двор церкви, где произошла кровопролитнейшая рукопашная схватка (*blutigsten Handgemenge*) и где русские убивали французов «жестоким образом» (*auf grausengaft Weise*). В самом городе русские находили разбежавшихся французов, которые попрятались в домах,

расправлялись с ними и выбрасывали трупы из окон. Евгений назвал это «ужасной кровавой баней» (*gräßliches Blutbad*), редко встречаемой в военной истории¹⁶.

Рассказ Евгения Бюртембергского можно сопоставить со свидетельством уже упомянутого Василия Демчинского:

Генерал Сомов, сей час построя в колонны свою дивизию, пошел с левой стороны в город Прейсиш-Эйлау, сие пополудни в 1 час началось января 26-го, когда французы увидели нас идущих, то со всех сторон сильный огонь ружейный по нас открыли из садов, заборов, с улиц и из разных строений, к той стороне стоявших, откуда мы заходили, мы, несмотря [на это], подошли колонной под самый город Эйлау и, выстроив в палой лощине фронт противу самой улицы и кирки [церкви], поставя на пригорке 2-ва орудия, дав по сей улице в город несколько выстрелов, и сей час скомандовал шеф: марш, марш, на штыки, ура, для того скомандовал, что от пуль неприятельских нельзя было устоять, ибо наш полк впереди всех был. Мы с полком подбежали к улице, в коей ворота завалены большими колючими деревами, мы, несмотря [на это], полезли через заборы и плетни, я со своим первым взводом близ сих заваленных ворот, сам первый и прежде всех перескочил через забор, на коем зацепил шинелью, повис клоком, в сие время французы, стоявшие на сем подворье в круге, дав несколько выстрелов, в меня, к счастию, не попали, гренадеры моего взвода, вслед за мной перескочив, оторвали мою шинель. Я не приказал стрелять, а бросились на сию кучу на штыки, кои в дальния ворота ушли, мы же, в ближайшие ворота выйдя [из] сего подворья на улицу и увидавши французов, стоявших у кирки на площади целый батальон со знаменами 2-мя, но не выстроившись, а кучами. Я, как можно скорее, построил свой взвод и пристроил еще некоторых примкнувших других рот к своему взводу, и занявши фронтом от одной стены улицы и до другой, выйдя три шага вперед, обнажа саблю, скомандовал: марш, марш, на штыки, ура.

Сия куча французов так струсила, что, пихая друг друга, бросалась в разные стороны, а некоторые похоронились [попрятались] по киркам, домам и сарайм и стреляли сзади в нас с окон, вблизи уже меня, подошедшего к ним, одна куча бросилась в улицу, за коей я отрядил несколько гренадер, другая куча со знаменем [стала уходить], у одного дома перескакивая через забор в поле, где я со своим взводом неустрашимых гренадер, напавши, начал ру-

бить, а оныя колоть, со злости не давая никому пардону [пощады], на сем месте мною французское знамя взято; ... [я] со своими гренадерами, сломавши в поле забор и увидя, что французов стоит во фронте батальона 3-ри к городу лицом, за коими сзади пушки стояли и от нас не более расстояния, как на 1-ну четверть версты [около 250 м], не смел броситься, а велел в них стрелять, из-за дому и огородив путь со всех сторон разными местами, пришел к сему месту полк и уже всех, кои попряталися, французы [т. е. французов] перекололи, ибо везде колотые кучами лежали, я думаю, до двух тысяч на штыки подняли...¹⁷

Как можно видеть из рассказа Демчинского, даже в населенном пункте штыковая атака не всегда приводила к штыковому бою – нередко противник сразу обращался в бегство, но на ограниченном пространстве не все могли быстро убежать, и происходило избиение толпящихся в панике врагов, а затем уничтожение тех, кто пытался спрятаться в строениях.

В боях за полевые укрепления также бывало по-разному – в некоторых случаях происходили отчаянные рукопашные схватки, как на батарее Раевского в битве при Бородине при первой атаке французов и контратаке русских, а в некоторых случаях обходилось без схваток. Например, французский офицер Гийом Бонне (Guillaume Bonnet), в 1812 г. капитан в 18-м полку линейной пехоты (11-я пехотная дивизия, 3-й армейский корпус маршала Нея), в своем дневнике довольно подробно описывает действия 4-го батальона этого полка в битве при Бородино. Когда полк подошел к Семеновским флешиам, которые Бонне называет редутами, две из трех флеши уже были захвачены войсками Наполеона. Полк двинулся к третьей флеши (средней или задней), батальоны шли один за другим, 4-й батальон шел последним. Во время этого движения командир батальона был ранен, и Бонне принял командование. Три батальона, которые шли впереди, захватили третью флеши. Бонне построил 4-й батальон в колонну и расположил его правым флангом у рва этой флеши. Далее Бонне рассказывает:

Через пять минут вражеские стрелки появились в хорошем порядке немного левее [от нас], и значительная колонна – справа, я развернул свой батальон [из колонны в линию] и маршировал прямо на эту колонну без стрельбы; она отступила; совершая это движение, мы оказались настолько подставлены под картечь [рус-

ских] орудий, расположенных в деревне [Семеновское], о которой я говорил, которая [картечь], я видел, валила [людей] и пробивала бреши в батальоне, сделав из него подобие зубчатой стены; тем не менее, мы продолжали продвигаться, а когда мы прибыли к самому краю оврага [Семеновского], который отделял нас от высоты, на которой находилась деревня, мы столкнулись с другой колонной, которая маршировала степенно, без спешки. Те [люди] из 4-го батальона, кто еще оставался на ногах, повернули назад и медленно отступали, стреляя по этой колонне; мы вернулись в редут; это место нельзя было защищать, оно было открыто с их [русских] стороны; русские бросились бегом, чтобы захватить его [редут] у нас, остатки батальона покидали его как можно скорее; я поднялся на парапет последним, в тот момент, как один русский уже собирался схватить меня за шинель, затем я преодолел ров одним прыжком, они [русские] сделали по мне не менее 20-ти ружейных выстрелов почти в упор, но только задели мой кивер; мы отступили до кустарника, который находился близко от 1-го редута¹⁸.

Итак, Бонне не упоминает никаких штыковых или рукопашных схваток – одна сторона наступает, другая отступает, потом у противника появляется подкрепление, и тогда отступает первая сторона.

Случаи, когда солдаты одной из сторон не могли или не успевали убежать, и их догоняли и убивали солдаты другой стороны, происходили не только в укреплениях, населенных пунктах или рядом с серьезными препятствиями. Один из таких случаев, который произошел в сражении при Кульме (29 (17) августа 1813 г.), описал в своем дневнике Лука Александрович Симанский, в то время поручик лейб-гвардии Измайловского полка, а позже, в 1820-х гг., командир этого полка:

...Неприятель был так близко, что пули весьма близко доставали в колонну. Батальон, с Богом, не выдержав их дерзости, пошел на штыки, громкое ура предшествовало сему, впереди ехал Храповичкий [командир полка]; неприятель побежал; я, бежав в шинели, был обессилен, неприятеля догнали во множестве у ручья между кустарниками, где они, стеснившись, валились друг на друга. Тут я увидел в первый раз, как наказываемы они были штыками. Я рубил их шпагой по рожам [sic!], один схватил мою руку и повалил меня, град пуль осыпал меня, ябросил шинель. Мы все шли вперед..., наконец увидели, что неприятель с левого фланга довольно [т. е. в

большом количестве] показывался; солдаты, оборотившись налево, отпаливаясь, уходили назад¹⁹.

В данном случае французов в их бегстве задержали кусты и ручей. Как следует из этого рассказа, по крайней мере один француз пытался оказать сопротивление, но при этом он не пользовался оружием – он схватил Симанского за руку. Перебив французов у ручья, батальон продолжал наступать, пока не появились значительные силы противника – тогда уже наши солдаты стали отступать, отстреливаясь.

Эту атаку измайловцев упоминает в своих мемуарах и Евгений Вюртембергский – также участник Кульмского сражения. По свидетельству Евгения, выдвижение батальона, атака и победа были результатом одного мгновения, моментом позже поле боя уже было покрыто телами вражеских солдат, а ближайшие вражеские колонны обратились в бегство²⁰.

Можно также отметить, что Симанский в своем рассказе об атаке лейб-гвардии Измайловского полка при Кульме сказал, что французов «наказывали штыками». Такую же аналогию использовал К.Ф. Багговут, в 1812 г. командир 2-го пехотного корпуса, в своем рапорте о битве при Бородине, рассказывая о контратаке Кременчугского пехотного полка: «...В одну минуту неприятель был согнан с батареи, и дерзость сего столь наказана штыками русских, что гора сия и была усеяна трупами неприятеля, а остальные спасались бегством»²¹. Некоторые русские генералы и офицеры при описании таких избиений в своих рапортах и воспоминаниях использовали слова «истребили» и «истребление»²².

Иногда такого рода избиения случались на местности, на которой не было серьезных препятствий. В этих случаях противники сходились настолько близко, прежде чем одна из сторон обращалась в бегство, что не все успевали вовремя убежать, и тогда их догоняли и убивали штыками солдаты другой стороны. Такие случаи упоминают несколько британских офицеров, причем они используют выражения не «штыковой бой», а «резня» или «бойня» (*slaughter, carnage*)²³. При этом противники иногда буквально перемешивались друг с другом на некоторое время, так что сторонним наблюдателям могло показаться, что там происходил бой лицом к лицу, а не расправа с охваченными паникой и поэтому практически не сопротивляющимися.

В воспоминаниях участников войн, в рапортах и других документах конца XVIII и начала XIX вв. можно найти немало упоминаний и даже несколько довольно подробных описаний штыковых боев на более или менее открытом месте. Однако большинство из них не подтверждается другими источниками, а некоторые и прямо им противоречат.

Например, французский генерал Поль-Шарль-Франсуа Тьебо (Paul-Charles-François Thiébault) упоминает схватку, которая произошла в битве при Аустерлице. Тьебо командовал одной из бригад в пехотной дивизии, которая сражалась на Праценских высотах. Дивизией командовал генерал Луи-Венсан-Жозеф Ле Блон де Сен-Илер (Louis-Vincent-Joseph Le Blond de Saint-Hilaire), другой бригадой этой дивизии командовал генерал Шарль Антуан Луи Алексис Моранд (Charles Antoine Louis Alexis Morand), еще одна бригада действовала левее. Когда дивизия заняла Праценские высоты, ее атаковала русская и австрийская пехота. Тьебо уверяет, что врагов было в четыре или пять раз больше, чем французов, что является обычным в таких случаях преувеличением. Он рассказывает:

Противник бросился на нас со всех сторон, и, отчаянно отставая местность, мы были вынуждены прогибаться [ployer] в свой черед. Теперь, только уступая [en cédant] самым сильным ударам [chocs], мы поддерживали некое подобие равнения между нашими войсками и сохранили наши орудия, производимые которыми опустошения больше не останавливали противника, который, казалось, был раздражен нашим сопротивлением. Наконец, после ужасной схватки [mêlée], схватки, [продолжавшейся] более двадцати минут, нам нужно было получить передышку; огонь самый сильный и почти в упор снова сменялся [действием] в штыки [à la bayonnette], когда генерал Сен-Илер спешно собрал [генерала] Морана и меня и сказал: «Это [место] становится непригодным для обороны, и я вам предлагаю, господа, занять позади нас позицию, которую мы сможем оборонять».

По словам Тьебо, в разговор тут же вмешался полковник Пузэ (Pouzet), командир 10-го полка легкой пехоты, который убедил их не отступать, а держаться. Тьебо продолжает:

Мы вернулись к своим полкам и удвоили усилия, и благодаря прекрасному поведению солдат, которыми мы командовали, мы отразили, не отступая ни на один шаг, все атаки, произведенные

и повторенные с яростью и, со стороны русских, с их страшными завываниями [hurlements]. <...> В этих ужасных ударах [chocs] цепные батальоны русских погибали, [при этом] ни один из них [русских солдат] не покидал своей шеренги, и их трупы лежали, выровненные [по линиям], как стояли их батальоны²⁴.

В этот период сражения против дивизии Сен-Илера среди прочих русских сил действовала бригада генерал-майора Сергея Михайловича Каменского (Фанагорийский grenadierский и Рижский мушкетерский полки, всего 6 батальонов), а при ней находился уже упоминавшийся Ланжерон, командовавший в сражении 2-й колонной союзных войск. Существуют два рассказа Ланжерона об этом эпизоде, и в обоих нет ничего похожего на эпическую картину, которую рисует Тьебо. В своем донесении царю Александру I Ланжерон следующим образом рассказывает о действиях бригады:

Французские колонны, остановленные бригадой графа Каменского, развернулись [из колонн в линии] в трех сотнях шагов от нее под картечным огнем и были вынуждены расположиться углом: одной стороной против этой бригады, а другой – против австрийцев. Эти последние собрались и построились позади [бригады] графа Каменского и стреляли снизу вверх с малым результатом. Французы находились значительно выше них и немного выше русских; как только они развернулись, они открыли огонь <...> ... не считая неприятеля таким сильным, каким он был в действительности (позиция его первой линии мешала видеть другие), я решил идти вперед. Команда была исполнена, как на ученье; французы уступили [plierent]; первый батальон Фанагорийского полка, под командованием превосходного офицера, майора Брандта [Brandt], который был ранен, подошел так близко к французам, что захватил два орудия, которые те бросили, но французские генералы и офицеры вернули своих солдат и поддержали их второй линией, которую мы только тогда увидели, наши батальоны, в свою очередь, отступили [retirerent] и заняли свою прежнюю позицию; два захваченных орудия были брошены. Легкость, с которой наши шесть батальонов, построенные в одну линию, оттеснили линии французов (которые считали нас намного сильнее, чем мы были), доказывает мне, что если бы мы имели несколько больше войск (которые стояли тогда бесполезно в полутора верстах от нас), мы отбросили бы французов до Пунтовица [Puntowitz] и отбили бы Праценские высоты²⁵.

Как можно видеть, рассказ Ланжерона полностью соответствует его общему мнению о штыковых атаках и штыковых боях: при штыковой атаке одна сторона всегда отступает перед другой. В данном случае сначала передовые части французов отступили перед наступающими русскими, но затем французы ввели в бой другие войска, которые до этого момента располагались позади, после чего русские были вынуждены отступить – бригада Каменского была построена в одну линию, а позади нее не было других войск, которые могли бы поддержать или сменить эту бригаду.

Поэтому рассказ Тьебо следует понимать так, что под ударами (chocs – натисками, атаками) русских французы сначала были «вынуждены прогибаться», т. е. немного отступали там, где противник двигался особенно решительно, и, только «уступая» этим натискам, французы смогли сохранить порядок в своих рядах. После этой 20-минутной борьбы (схватки, mêlée – буквально «мешаницы», от глагола mêler – смешивать, перемешивать) ситуация более или менее стабилизировалась, но все равно продолжала оставаться напряженной – перестрелка с близкого расстояния сменялась штыковыми атаками русских, которые французам удавалось отбивать.

Вызывает большие сомнения сообщение Тьебо, что русские погибли целыми батальонами в штыковом бою с французами и что после рукопашной схватки трупы лежали ровными линиями. Зато есть свидетельство Ланжерона о больших потерях русских в перестрелке, произошедшей после отхода бригады Каменского на исходную позицию: французы подошли на 200 шагов и открыли огонь, «очень хорошо направленный и весьма убийственный», на который русские отвечали «менее хорошо направленным батальным огнем». Эта перестрелка продолжалась около полутора часов, и бригада потеряла убитыми более 12 сотен человек²⁶. Данная цифра скорее всего является преувеличением, но этим может объясняться сообщение Тьебо, что убитые русские лежали ровно вдоль по линиям, где стояли их батальоны.

В любом случае, массовый штыковой бой продолжительностью 20 минут наверняка отметил бы еще кто-нибудь из участников битвы при Аустерлице, и это совершенно исключительное явление вошло бы в анналы военной истории. Однако,

другие участники битвы вообще и боя за Праценские высоты, в частности, не упоминают ничего подобного²⁷, а Ланжерон, который был на этом участке, прямо говорит, что он никогда не видел массовых штыковых боев на открытом месте.

Многие описания применения на практике этого тактического приема содержат явно неверные или очень сомнительные подробности, приводят их не участники, а сторонние наблюдатели, которые могли видеть происходящее только с большого расстояния, причем нередко это не пехотинцы, а кавалеристы, артиллеристы, адъютанты или штабные офицеры. И наконец, некоторые описания не составлены очевидцами, а являются пересказами чужих слов.

В литературе нередко можно встретить ссылки на рассказ Жака де Норвена (Jacques Maguet de Montbreton de Norvins) об одном эпизоде, который произошел на завершающем этапе сражения при Фридланде (Friedland, 14 июня 1807 г.). Русские войска были вынуждены отступать. Русская гвардия прикрывала отступление остальных войск. Ее обстреливала французская артиллерия, а затем атаковала французская пехота, при этом, по словам Норвена, произошел штыковой бой. Его рассказ в несколько сокращенном виде пересказал известный английский историк Дэвид Чандлер (David Chandler)²⁸, а также другие историки, в том числе российские, причем некоторые используют не оригинал, а книжку Чандлера, и в еще более сокращенном виде, так что у читателей может сложиться впечатление, будто Норвен видел этот штыковой бой во всех подробностях²⁹.

В 1807 г. Норвен служил лейтенантом в так называемой «ордонансовой жандармерии» (gendarmerie d'ordonnance) – небольшом кавалерийском отряде (2 эскадрона), сформированном в 1806 г. из представителей знатных и богатых семей Франции. Отряд принимал участие в сражении при Гуттштадте в 1807 г., где он успешно атаковал казаков (что неудивительно – казаки обычно уклонялись от всяких неприятельских атак), а также в нескольких небольших боях этой кампании. Отряд был расформирован в июле того же года, и Норвен покинул военную службу. Таким образом, француз не имел большого военного опыта и совершенно не знал специфику пехотного боя, так что он не был тем, кого можно назвать квалифицированным наблюдате-

лем, способным отличить то, что было на самом деле, от того, что могло предполагаться.

Вскоре после окончания наполеоновских войн Норвен написал книгу «История Наполеона», в которой он всячески восхвалял деяния императора и его армию³⁰. Книга пользовалась очень большой популярностью и в течение XIX в. выдержала около тридцати изданий. Упоминаемый выше рассказ находится в другой книге, которая состоит из личных воспоминаний лейтенанта, она написана спустя несколько десятилетий после окончания наполеоновских войн. О последнем этапе сражения при Фридланде Норвен сообщает следующее:

Я увидел наконец последнюю и ужасную сцену этой великой драмы, в которой от семи до восьми сотен орудий составляли оркестр, а три сотни тысяч воинов представляли пантомиму. Наша линейная пехота корпуса [маршала] Нея [Ney] и дивизии [генерала] Дюпона [Dupont] атаковала и убивала штыками русскую императорскую гвардию, которая вся была набрана из колossов Севера, в овраге, окружавшем город Фридланд, где, сильно укрепившаяся, она представляла собой последнюю и грозную надежду великой вражеской армии. Это была победа пигмеев над гигантами; это были те самые маленькие гасконцы, которые ночью требовали у Наполеона хлеба на польском языке. Атака и оборона были такими напряженными, если так можно сказать, что, проезжая два часа спустя этот овраг, где наши лошади погружались в кровь до колена, мы видели перед въездом во Фридланд все тела гренадеров русской гвардии, оставшиеся лежать почти выровненными [по линиям], и почти все сраженные на высоте груди: штыки наших солдат не могли достать выше. Каждый из этих храбрецов защищался и держался в своей шеренге³¹.

Безусловно, рассказ Норвена полон преувеличений, в частности относительно численности армий и количества орудий, а фраза про то, что лошади погружались в кровь до колена – это явная гипербола. Когда Норвен говорит, что он видел финал драмы, очевидно, он говорит обо всей битве в целом (а может, и о всей кампании), а не конкретно о бое французской пехоты с русской гвардией на подступах к городу. Рассказ о штыковом бою выглядит довольно неправдоподобно: невысокого роста французы из обычной линейной пехоты побеждают рослых русских гвардейцев, тела которых лежали «почти выров-

ненными» (совсем как в воспоминаниях Тьебо!). Норвен сообщает, что по месту этого боя он проехал верхом только два часа спустя. Из рассказа Норвена следует, что если он и наблюдал этот бой, то издалека, потому что ордонансовые жандармы почти все время находились рядом с гвардейскими конными егерями, недалеко от Наполеона, который смотрел на битву с холма. Таким образом, Норвен не мог видеть подробности боя на подступах к Фридланду и вряд ли мог определить, был ли там штыковой бой.

По словам француза, убитых русских гвардейцев он видел, только проезжая место боя вместе с другими всадниками, вероятно, в составе своего эскадрона. Следует отметить, что сражение закончилось на исходе дня, так что вполне вероятно, что к тому времени, когда Норвен оказался здесь, уже темнело. Вряд ли он осматривал всех убитых на этом месте русских солдат, так что его заявление о том, что почти все гренадеры, лежавшие на поле боя, были убиты штыками, это его собственные домыслы или пересказ чьих-то рассказов. Сообщение Норвена о массовом штыковом бою не подтверждается другими источниками. Русская гвардейская пехота при Фридланде действительно понесла большие потери, но в основном от артиллерийского огня, под которым она находилась в течение нескольких часов.

Даже если Норвен действительно видел русских солдат, убитых холодным оружием, совершенно необязательно, что они погибли в штыковом бою – французы могли добить русских раненых, лежавших на поле боя. Некоторые французские офицеры откровенно рассказывают о таких эксцессах в своих мемуарах. Упоминавшийся выше Тьебо сообщает, что перед битвой при Аустерлице их предупредили, что раненые русские, неспособные идти, могут взяться за оружие, и он приказал во время сражения не оставлять в тылу у себя ни одного живого русского³².

Франсуа Рош Ледрю дез Эссар (François Roch Ledru des Essarts), в 1805 г. – полковник, командир 55-го полка линейной пехоты в той же дивизии, в которую входила бригада Тьебо, упоминает, что при Аустерлице его полк взял в плен около 400 русских в парке замка Сокольниц, а до этого момента его солдаты убивали их всех – как он объясняет, в отместку за жестокость русских³³. Франсуа Рене Пуже (François René Pouget), в 1805 г.

полковник, командир 26-го полка легкой пехоты, сообщает, что к концу битвы при Аустерлице в деревне Тельниц осталось много убитых и раненых обеих армий, и один из раненых русских солдат, у которого одна нога была перебита, выстрелил во французского солдата, который приблизился, чтобы оказать ему помощь. Француз остался жив, но русского сразу же убили пятью или шестью ударами штыка³⁴.

Французский офицер Феликс Жан Мари Жиро де л'Эн (Félix Jean Marie Girod de l'Ain), который в 1807 г. служил в 9-м полку легкой пехоты той самой дивизии генерала Дюиона, которую упоминает Норвен, рассказывает, что в сражении при Фридланде 1-й батальон этого полка прикрывал артиллерию батарею, следовал за ее передвижениями и в какой-то момент оказался на месте, которое ранее занимали русские войска. По его словам, линии, где прежде стоял противник, были отмечены убитыми и ранеными. Один из раненых русских солдат, у которого одна нога была наполовину оторвана пушечным ядром, лежал в сотне шагов от этого французского батальона и раз за разом стрелял по нему. В конце концов батальонного адъютанта отрядили обезоружить его, но тот отмахивался ружьем со штыком, и его добили выстрелом в упор³⁵. Таким образом, не исключено, что Норвен видел добитых штыками, а не убитых в штыковом бою.

Из описаний штыковых боев на русском языке чаще всего цитируют рассказ известного партизана и поэта Дениса Васильевича Давыдова о разгроме корпуса французского маршала Пьера Франсуа Шарля Ожеро (Pierre François Charles Augereau) в сражении при Прейсиш-Эйлау:

...Закрутилась метель с густым снегом, так что в двух шагах ничего не было видно. Корпус Ожеро, потеряв направление ... предстал, неожиданно для нас и для себя, пред центральной нашей батарею в самую минуту прояснения погоды. Семьдесят жерлрыгнули адом, град картечи зазвенел по железу и застучал по живой громаде костей и мяса. В одно мгновение полки Московский гренадерский, Шлиссельбургский пехотный и пехотная бригада генерала Сомова, наклонив штыки, ринулись с жадностью на него. Французы всколыхнулись, но, ободрясь, они противостояли штыкам штыкам и стали грудью. Произошла схватка, дотоле невиданная. Более двадцати тысяч человек с обеих сторон вонзали трехуголь-

ное острье друг в друга. Толпы валились. Я был очевидным свидетелем этого гомерического побоища и скажу поистине, что в продолжение шестнадцати кампаний моей службы, во всю эпоху войн Наполеоновских, справедливо наименованную эпопеей военного искусства, я не видел подобного побоища! Около получаса не было слышно ни пушечных, ни ружейных выстрелов, ни в середине, ни вокруг его: слышен был только какой-то невыразимый гул перемешавшихся и резавшихся без пощады тысячей храбрых. Груды мертвых телсыпались свежими грудами; люди падали одни на других сотнями, так что вся эта часть поля сражения уподобилась вскоре высокому парапету вдруг воздвигнутого укрепления³⁶.

Как можно видеть, рассказ Давыдова носит характер эпического повествования и потому содержит некоторые преувеличения. Кампания 1806–1807 гг. была первой в жизни Давыдова. В то время он числился в лейб-гвардии Гусарском полку. В этой кампании Давыдов был адъютантом генерала Багратиона, который в сражении при Эйлау оказался без команды, потому что в день перед битвой арьергард армии, состоявший из войск разных дивизий, которым в предыдущие дни командовал Багратион, присоединился к армии, и составлявшие его войска были распределены по боевому порядку. Неизвестно, где находился Давыдов в день битвы и с какого расстояния мог видеть бой, который он так красочно изображает.

Непосредственные же участники этого побоища описывают его совершенно иначе. Например, Михаил Матвеевич Петров, в 1807 г. обер-офицер в Елецком мушкетерском полку (2-я дивизия), рассказывает:

...Вскоре поваливший непроглядный снег без ветра заслонил все виды местоположений, и в этом-то мраке корпус Ожера потерял данную ему Наполеоном дирекцию и, как известно, свое существование, приняв влево, забредший в угол загзачной нашей трехлинейной позиции, высунулся головами колонн из снежной завесы прямо к главной 40-пушечной батарее нашего центра, грязнувшей по ним скорострельным огнем картечей; французы спохватились, хотели уйти назад, но было поздно, ибо полки нашей Остремановой дивизии и других, зайдя полковыми фронтами двух передних батальонов каждого полка налево и направо, охватив их, зачали душить, работая штыками русскими! Нас подкрепили значительными силами пехоты и кавалерии, и ужасные кос-

тры [кучи] тел неприятельских загромоздили пригородную луговую долину³⁷.

Как можно видеть из рассказа Петрова, французы «хотели уйти назад», т. е. они попытались отступить, но русские охватили их колонны с флангов, и произошло скорее избиение, чем бой.

Другой очевидец – Павел Христофорович Граббе, в 1807 г. артиллерийский офицер, который с двумя пушками находился при Владимирском мушкетерском полку, – вспоминал:

Это было в первом часу; сильная выюга ослепляла нам глаза снегом. Вдруг стихло, и прямо против моих пушек, не более как в 30-ти шагах, мы увидели колонну французов, по-видимому также изумленных неожиданною близостию стройного нашего фронта. Орудия мои были прежде заряжены картечью, которых у меня оставалось по пяти на орудие, а ядер не оставалось ни одного. Страшно было их действие на столь близкого неприятеля. Колонна приняла направо и кинулась на второй батальон Владимирского полка (я стоял в интервале между ним и первым батальоном). Штыки приняли их, но средина была прорвана. Я выстреливал еще последние свои картечи по средине и по хвосту этой же колонны, как крик артиллеристов сзади меня: Французы! – заставил меня оглянуться. Несколько французов вскочили сзади на батарею; но скоро, вслед за ними и наши. Все было переколото штыками; немногих только удалось мне спасти от тесаков моих артиллеристов. Лошади у орудий были переранены, все снаряды до последнего выстрелены. Штыковой бой на этой точке сражения кончился совершенным истреблением колонны. Груды тел покрыли место побоища³⁸.

Владimirский мушкетерский полк входил в 7-ю дивизию, которая первоначально находилась в резерве. Не очень понятно, каким образом колонна французской пехоты подошла к Владимирскому полку – либо эта колонна прошла сквозь передовые линии русской армии, что маловероятно, либо полк к тому времени уже был выдвинут из резерва в боевую линию, что более вероятно, так как из рассказа Граббе следует, что полк был выстроен в боевой порядок: как минимум два батальона в развернутом строю рядом друг с другом, а между этими батальонами – приданые полку орудия. Участие Владимирского полка в бою с корпусом маршала Ожера упоминает еще один участник сражения – А.П. Ермолов, в 1807 г. командир конно-артиллерийской роты, который, впрочем, не был очевидцем:

...Около одиннадцати часов густой снег затмил свет, и действие прекратилось на четверть часа. <...> Рассеявшийся мрак открыл пред 7-ю дивизией колонну французской пехоты во ста, не более, шагах. Внезапно представшие полки наши остановили ее в совершенном от удивления бездействии. С ужаснейшим ожесточением, изъявшим громким хохотом, Владимирский мушкетерский полк бросается в штыки, и не остается могущий оплакать гибель товарищей³⁹.

Судя по словам Граббе, что его орудия еще выпускали последние из имевшихся пяти зарядов картечи по хвосту колонны, когда бегущие французы уже появились позади его орудий, все произошло очень быстро – выпустить пять зарядов картечи из 6-фунт. пушек с близкой дистанции, т. е. почти не прицеливаясь, можно было примерно за полторы минуты. Таким образом, головная часть французской колонны почти мгновенно прорвалась сквозь линию второго батальона Владимирского полка, но сразу вслед за этим атакующие французы сами были опрокинуты русскими войсками, находившимися позади этих двух батальонов Владимирского полка (либо третьим батальоном того же полка, либо другим полком). После этого прорвавшиеся французы, не имевшие возможности убежать, подверглись истреблению.

Как можно понять из рассказа Граббе, ближний бой пехоты был довольно беспорядочным и представлял собой череду атак, контратак, отступления или бегства отдельных частей, локальных прорывов и сцен истребления, когда победители беспощадно убивали всех, убегающих в панике, кого только могли догнать.

Другое часто цитируемое описание штыкового боя – рассказ Николая Любенкова, в 1812 г. офицера в 33-й легкой артиллерийской роте, об одной из атак французов в Бородинской битве на южном крыле во второй половине дня:

...Густая колонна французских гренадеров, до пяти тысяч с красивыми распущенными знаменами, музыкою и барабанным боем, как черная громовая туча, неслась на нас; казалось, ей велено погибнуть до последнего или взять нашу батарею. ...они с диким криком приблизились, мы встретили их картечью, и страшная колонна поколебалась. Начальники их кричали: *allons! avancez!* Ряды мгновенно замещались, они выстраивались чрез трупы своих и двигались плавно, величественно. Брызнули еще картечью. Новое по-

ражение, колонна смешалась, но крики начальников не умолкали, и она, опять стройная, двигалась. Для нанесения решительного поражения и замедления ея на ходу, мы начали действовать залпами из полубатарей, выстрелы были удачны, разредела эта страшная туча, музыканты и барабаны замолкли, но враги опять шли смело. Колонна эта была похожа на безпрерывный прилив и отлив моря, она то подавалась назад, то приближалась, на некоторые мгновения движения ея от действия нашей батареи были на одном месте, она колебалась, вдруг приблизилась. Эскадроны Уланского полка бросились в атаку, но по малому числу людей не могли выдержать ее; колонна открыла убийственный батальный огонь, кавалерия наша была отбита и возвратилась. Граф Сиверс, бесстрашие которого в этот день было свыше всякого описания, видя, что не остается у нас более зарядов, приказал взять на передки и прикрыл наше отступление егерями.

Мы сделали последний прощальный залп из целой батареи. Французы совершенно смешались, но опять строились почти пред батареей; тут Рязанский и Брестский полки грянули ура! и бросились на штыки. Здесь нет средств передать всего ожесточения, с которым наши солдаты бросались; это бой свирепых тигров, а не людей, и тогда как обе стороны решились лечь на месте, изломанные ружья не останавливали, бились прикладами, тесаками; рукопашный бой ужасен, убийство продолжалось с полчаса. Обе колонны ни с места, оне возвышались, громоздились на мертвых телах. Малый последний резерв наш с громовым ура! бросился к терзающимся колоннам, более никого уже не оставалось – и мрачная убийственная колонна французских гренадер опрокинута, рассеяна и истреблена; мало возвратилось и наших. Единоборство колонн похоже было на бойню, лафеты наши были прострелены, люди и лошади перебиты...⁴⁰

Рассказ Любенкова содержит явное преувеличение – колонна из 5 тысяч гренадер не могла существовать хотя бы потому, что при Бородине в армии Наполеона не было гренадерских дивизий, а его гвардия не принимала участия в битве. Кроме того, в мемуарах наполеоновских офицеров, сражавшихся на этом участке, авторам статьи не удалось найти ничего похожего на описание подобной схватки. Из рассказа Любенкова видно, что их батарея было приказано отступить, а Брестский и Рязанский пехотные полки пошли вперед. Таким образом, если Любенков

и мог наблюдать дальнейшие действия этих полков, то лишь откуда-то сзади, так что он не мог видеть, что происходило с их фронта. Упомянутый Любенковым генерал-майор Карл Карлович Сиверс, командир 4-го кавалерийского корпуса, который во второй половине дня командовал русскими войсками у Утицкого леса, сообщает в своем рапорте:

Когда неприятель в третий раз покусился атаковать батарею из 5 орудий, под лесом находящуюся, за неимением при орудиях зарядов нечем было неприятеля встретить, тогда приказал я и сии 5 орудий свести, что и учинено было под прикрытием атаки Литовского уланского полка на неприятельскую пехотную колонну; но другая колонна, по опушке леса следующая за лощиной, понудила уланский полк к отступлению, ... между тем оба пехотные полка, под командаю генерал-майора князя Шаховского, подкрепленные одним полком корпуса генерала Баггевута, удерживали стремление неприятеля до наступления ночи⁴¹.

Таким образом, Сиверс утверждает, что атака Литовского уланского полка была предпринята для того, чтобы дать артиллеристам время отступить. При этом Сиверс вообще не упоминает контратаки русских пехотных полков и штыковые схватки. Упоминает Рязанский и Брестский пехотные полки сам генерал-лейтенант Баггевут в документе о действиях своего 2-го пехотного корпуса, но в этом документе нигде не фигурирует их совместная атака, приведшая к продолжительной рукопашной схватке⁴². Нет ничего подобного и в представлениях офицеров этих полков к наградам. Например, об отличии майора Андрея Лау из Рязанского полка сказано:

Находясь с батальоном в прикрытии батарей при наступлении неприятельской колонны, бросился в штыки, рассеяв оную, и преследовал до неприятельской батареи, причем и ранен пулею в левую ляжку⁴³.

В общем, рассказ Любенкова о массовом штыковом бое не подтверждается другими источниками и вызывает большие сомнения.

Еще одно описание штыкового боя содержится в воспоминаниях Рафаила Михайловича Зотова, в 1812 г. офицера в 14-й дружине Санкт-Петербургского ополчения, а впоследствии известного литератора и театрального деятеля. Воспоминания были опубликованы в 1836 г., при жизни Зотова. В них Зотов сле-

дующим образом рассказывает о действиях дружины во втором сражении при Полоцке (18 (6) октября 1812 г.):

Вскоре мы соединились с Воронежским полком, и наше прибытие придало ему духа. Мы примкнули к правому их флангу и с жаром принялись за перестрелку. Несколько времени шла эта об юдная работа с изрядным успехом, с тою разницею, что мы стояли на месте, а баварцы все ближе и ближе к нам подвигались. – Вдруг увидели мы, что они прекратив огонь, идут на нас в штыки. Эта наглость удивила нас. Полковник в ту же минуту выровнял и сомкнул наш фронт, скомандовал на руку – и, не выжидая неприятеля, велел дружно и сильнее ударить на него. Раздалось привычное: ура! фронт наш двинулся; офицеры отошли за фронт и обходили свои взводы, уговаривая солдат не робеть. На этот раз баварцы не оробели, а с дерзостию шли на нас. Чрез несколько минут оба фронта сошлись – и началась рукопашная. Наши солдаты были сильнее, смелее, но неопытнее. В жару свалки они в разных местах расстроили нашу линию, и человек 20 баварцев вдруг прорвались сквозь наш фронт. Офицерская шпага была вовсе не равным оружием противу их штыков. Некто офицер Леонтьев был первой жертвой этого неравенства: несколько штыков в грудь повергли его на землю без чувств. (Он выздоровел впоследствии и говорил, что это было самое неприятное чувство, когда холодный трехгранный лезет в грудь). Подполковник наш, почтенный 60-летний старик, будучи пред этим ранен картечью в ногу и оставшийся, однако же, во фронте, был сбит с ног ударом приклада в голову. Упав на землю, выругал он баварца сильными русскими словами и лежа защищался еще шпагою от штыков. Все это продолжалось однако не более двух минут. Прорвавшиеся баварцы были все переколоты, – линия по возможности сомкнута, – а минуты через две и вся баварская колонна опрокинута. Не слушая команды, бородатые наши герои пустились за ними бежать и продолжали колоть⁴⁴.

Однако помимо этого описания существует и другое, также принадлежащее перу Зотова. Оно содержится в его автобиографии, изданной в 1896 г., уже после его смерти (ум. в 1871 г.), и, по-видимому, не предназначенней для широкой публики. В ней Зотов изложил этот эпизод следующим образом:

...Подскакавший адъютант велел нам выслать стрелков, и как у нас заранее уже было распределено, кому идти, то я и товарищ мой Гротен (сын богача, которому принадлежали Гагаринские ба-

ни) собрали вокруг себя 96 человек, с которыми пошли вперед. Я слышал, что быть в стрелках [т. е. в рассыпном строю] гораздо лучше, нежели во фронте [т. е. в плотном строю], потому что раны от пули не так опасны, как от ядер и картечей.

Но прежде, нежели мы успели сделать движение, нас уже атаковали французы, прорвали наш фронт и перекололи многих. Адъютант наш Разумов ранен был в живот, а старик подполковник Стрекачев, раненный в ногу, лежал и защищался шпагою от ударов прикладом, ругаясь за то, что с него тащили серебряный шарф. Но эта минутная стычка была нам как бы уроком. Прорвавшихся неприятелей убили, и полковник снова закричал мне: «Стрелки! вперед!»⁴⁵

Как можно видеть, две версии довольно значительно отличаются друг от друга. В первой в качестве противника Зотов называет баварцев, а во второй – франузов. Но более существенным является то, что приводимые Зотовым сведения о ранениях, полученных офицерами ополчения в этом столкновении, никак не сочетаются с документальным материалом.

Во-первых, в 14-й дружице не было офицера с фамилией Леонтьев или похожей на нее. Из раненных в Полоцком сражении и вернувшихся позже в строй офицеров дружины штыковую рану имел только один – отставной прапорщик Крамаровский, но ранен он был в щеку и, кроме того, еще и картечью в ногу. Правда, в документах лета 1814 г., т. е. отстоявших от Полоцкого сражения более чем на 1,5 года, сообщается уже о получении штыковой раны и «под правую руку», но это – на основании его собственных свидетельств; при каких обстоятельствах он получил эти раны и в какой последовательности – неизвестно, но за Полоцк он представлялся к награждению с формулировкой «находился в стрелках, был особенно храбр»⁴⁶.

Во-вторых, адъютант Размыслов (а не Разумов, как у Зотова) в сражении был убит, правда неизвестно, при каких обстоятельствах⁴⁷.

И, в-третьих, не поддается идентификации не названный Зотовым в воспоминаниях по фамилии 60-летний подполковник, в автобиографии именуемый Стрекачевым. В Полоцком сражении в 14-й дружице было ранено 2 человека, имевших штаб-офицерские чины: отставной подполковник Шушерин и надворный советник (что по табели о рангах соответствует чину подполков-

ника) Шебанов. О факте ранения 55- или 56-летнего Шушерина имеются противоречивые сведения: он значится в ведомости раненых офицеров дружины, но представляя его к награждению с формулировкой «при отличной храбости и решимости оказывал мужество при прогнании неприятеля с батареи» начальник дружины никак не упомянул его ранение⁴⁸. А Шебанов, которому в 1812 г. было 45 лет или несколько больше, согласно представлению его к награде «был со стрелками на батарее, где получил рану в ногу [чем – не сообщается]», по остался при дружице «до окончания сражения»⁴⁹.

Следует также отметить, что противниками 14-й дружины никак не могли быть баварцы, потому что на том участке поля сражения, где действовала дружина, не имелось ни одной баварской пехотной части⁵⁰. Кроме того, Воронежский пехотный полк входил в состав группировки, находившейся в нескольких километрах от той, к которой принадлежала 14-я дружица, а сама дружица была придана 2-му запасному гренадерскому батальону⁵¹. В общем, достоверность обоих рассказов Зотова, и особенно первой версии, вызывает очень большие сомнения.

Некоторые из участников наполеоновских войн, описывающие рукопашные бои, все-таки признают, что это явление очень редкое. Например, Иван Григорьевич Бутовский, в 1805 г. портупей-прапорщик (знаменосец) в Московском мушкетерском полку, рассказывает о заключительном этапе сражения при Аустерлице, когда Московскому и Вятскому мушкетерским полкам пришлось прикрывать отступление других русских войск через узкий проход между прудами:

...От деревни Тельниц привалила неприятельская пехота и заворковал ружейный огонь. Маршал Даву рискнул ударить в штыки; наши приняли его по-Суворовски: батальонные командиры: Гасевский, Шамшев, ротные: Клименко, Шостак, Марков, Пробст, кричали людям: «Ребята, не посрамите себя! постоим за Царя и матушку Россию!» Солдаты, те самые, что, вступая в бой, все без исключения усердно шепотом молились и каждый про себя твердил *Отче наш*, в этот страшный момент вдруг рассвирепели как тигры против гиен, и с возгласом *С нами Бог!* кололи насунувшегося врага сердито, с остервенением!. Подобные сцены, в столь широком объеме, встречаются лишь изредка, и перо неспособно выразить всех ужасов лютости и кровопролития: просто это была не битва,

а зверская травля, в которой люди, с обеих сторон воодушевляемые долгом чести, резались на смерть, словно на заклятой дуэли... Русские, уже с детства привыкшие к кулачным боям, действовали с отвагой, со всеми дедовскими ухватками; французское фехтовальное искусство далеко уступало неподражаемой русской удали; каждый из наших, помня, что назначен отстаивать колонну, пока выберется из жерла на мельницу, работал за троих: ударив в одного штыком, другого шаломил на отмах прикладом и ломил встречных стволом плашмя. Многие, с большой ловкостью подставляя свою ногу под ноги устремлявшегося недруга, опрокидывали его навзничь или, пуская пулю, приговаривали: *Кабы Бонапартию!*; у которых же осекались кремни или скривились штыки, оборачивали ружья вверх и валяли супостата по головам прикладами. Так, на разные манеры, бойкая Русь, с дивным присутствием духа, укладывала на вечный покой бесстрашных французов! Они валились как снопы под серпом дюжего жнеца; ряды их редели, пятились; но при каждом напоре с нашей стороны неприятель подставлял новые когорты. [Маршал] Сульт, с победоносными батальонами, навалился от верховья верхнего озера и затмил воздух свинцом. Бойня длилась еще часа. Наш полковой командир Сулима уже был повержнут: французы утащили его. Тем временем колонна перешла за роковую мельницу; остались только полки Московский и Вятский, а французы что дальше умножались без числа, и нам стало не под силу держаться. Мельница, плотина и мостик с шлюзом были уже разрушены неумолкаемой канонадою с высот Аугеста; из верхнего озера вода бурно стремилась и рытвина полнела. Тут раздался крик: «Рви знамена с древок, спасайся!» Душа порхнула в пятки. Оба полка, сделав последний залп, бросились разорванными массами к водороду; противолежащая крутизна берега не помешала вскарабкаться, хоть и с большой потерей. Страх, чтобы не оборваться с скользкой крутизны и не быть задавленным в глубокой рытвине, придавал изумительную сметливость и проворство; мы, так сказать, мигом очутились на другой стороне и опять стали лицом к неприятелю, беспощадно осыпавшему нас беглым огнем и картечью. День склонялся к вечеру, и наступило последнее действие⁵².

Очевидно, этот бой попадает в разряд боев в дефиле. Из рассказа Бутовского следует, что Московский и Вятский полки были вынуждены драться, потому что отступить сразу они

не могли – позади был узкий проход, забитый отступающими войсками. Вероятно, не желая прослыть выдумщиком, Бутовский оговаривается, что такие схватки – большая редкость, но при этом нет никакой уверенности, что он не преувеличил масштаб этой схватки. Командир Московского мушкетерского полка полковник Николай Семенович Сулима действительно был захвачен французами, многие офицеры и солдаты также попали в плен, а остаткам полка в конце концов пришлось спасаться бегством. Французский офицер Огюст Жюльен Бигарре (Auguste Julien Bigarré), при Аустерлице майор, командир 4-го полка линейной пехоты, рассказывает об этом эпизоде очень кратко:

...Я бросился на них [русских] с моим полком в тот момент, когда они проходили через деревню. Московский полк [régiment de Moscou] под командованием полковника Сулима [Solimath] был взят в плен моим вторым батальоном, а первый [батальон] захватил роту гренадеров того же полка и два его знамени⁵³.

Как можно видеть, Бигарре утверждает, что бой происходил в деревне. Следует отметить, что он явно преувеличил успехи своего полка – Московский мушкетерский полк не был захвачен в плен целиком и не потерял ни одного знамени.

Николай Александрович Окунев, участник наполеоновских войн, впоследствии известный военный теоретик, который писал и издавал свои труды на французском языке, в одной из своих книг рассказывает о штыковой атаке Калужского пехотного полка на баварскую пехоту в первом сражении при Полоцке (18 (6) августа 1812 г.), в которой он сам принимал участие. В finale этой атаки дело дошло до реального применения штыков. В частности, Окунев упоминает солдата по фамилии Чернов, который отомкнул штык, бросил ружье, длина которого, по словам Окунева, мешала его движениям в гуще схватки, и поражал врагов, которые только ему попадались (вероятно, используя штык как кинжал), пока сам не пал, пронзенный несколькими ударами. Окунев отметил, что, хотя есть много упоминаний об ударах в штыки (*chocs à la bayonnette*), в действительности они случаются очень редко (*très-rarement*)⁵⁴.

Французский офицер Луи Франсуа Лежен (Louis François Lejeune) рассказывает об эпизоде сражения при Барросе (Barrosa, Испания, 5 марта 1811 г.), когда британская пехота ата-

ковала французскую пехотную дивизию генерала Франсуа Рюфена (François Ruffin):

Дивизия Рюфена приняла удар англичан; та и другая сторона столкнулись с необычайной смелостью, под деревьями и в лесу ... Два раза, последовательно, полки генерала Рюфена и английские полки встречались параллельными линиями, бросались в атаки в штыки [charges à la baïonnette], которые приводили к схваткам [mêlées], которые всегда были очень редкими [très rares] в наших войнах, так как, чаще всего, одна или другая масса сражающихся, уже деморализованная снарядами [projectiles], отступает до того, как другая подойдет и скрестит оружие.

...Эти ожесточенные бои представляли такую особенность, которую заметили у англичан: после того, как они разбивали свое оружие, нанося удары прикладом или штыком, они и не думали использовать саблю, которая висела у них на боку, а продолжали бой, боксируя с нашими солдатами. Их офицеры, также следуя старому методу, поднимали трость, символ командования, чтобы с яростью бить и понукать тех, которых они видели отходящими назад из шеренг. Нашиunter-офицеры, стоявшие позади строя, держали ружья горизонтально за спиной своих отделений и служили как бы опорными арками, чтобы предотвратить прогибание шеренг. Наши офицеры брали ружья раненых солдат и становились, как рядовые солдаты, чтобы усилить шеренги там, где они редели⁵⁵.

Как можно видеть, Лежен указывает, что схватки были большой редкостью, потому что к тому моменту, когда противники сходились близко, одна из сторон обычно уже была сильнее другой деморализована снарядами, т. е. огнем противника, и она отступала. Лежен не видел сражения при Барросе, он посетил место боя спустя несколько дней и рассказывает с чужих слов: в период наполеоновских войн Лежен был адъютантом разных маршалов, а в начале 1811 г. он по личному поручению Наполеона осматривал французские войска в Испании. Позже он написал картину, изображающую сражение при Барросе, в том числе и штыковой бой.

Но рассказ Лежена можно сопоставить с рассказом британского офицера Роберта Блейкни (Robert Blakeney) из 28-го пехотного полка, часть которого участвовала в бою с дивизией Рюфена. Блейкни не упоминает штыковых схваток. По его словам, в самый критический момент боя противников разделяло рас-

стояние в 10 ярдов (около 9 м)⁵⁶, т. е. они не находились в непосредственном контакте.

Дмитрий Николаевич Болговской, в 1812 г. майор, дежурный штаб-офицер при 6-м пехотном корпусе, рассказывает об известном эпизоде Бородинской битвы:

...Неприятель ... стремительно атаковал батарею Раевского, ... но мужественное сопротивление, оказанное генералами: Паскевичем – с 26 дивизией, Ермоловым и Васильчиковым – с другими войсками, привело в замешательство неприятельские массы, которые потерпели совершенную неудачу в своем предприятии – это была скорее бойня, нежели бой; дрались только холодным оружием, что, что бы ни говорили относительно этого, бывает редко⁵⁷.

Следует отметить, что упомянутые Болговским события происходили частично в укреплении – на батарее Раевского – и в значительной части представляли собой избиение французов, обратившихся в бегство.

Штыковые бои в полевых укреплениях происходили, вероятно, по той причине, что солдаты одной из сторон оказывались приперты к высоким земляным валам. Такие случаи бывали не только в укреплениях, но и рядом с прочными заборами и стенами, которыми в некоторых странах огораживали поля, огороды, кладбища и даже деревни целиком (как, например, в Южной Германии). Такие препятствия способствовали обороне и мешали отступлению. Об одном из таких случаев, который произошел 17 октября 1810 г. в Португалии, рядом с городком Сабраль де Монте Аграко (Sabral de Monte Agraco), рассказывает неизвестный шотландец, рядовой 71-го пехотного полка британской армии. 14 октября полк оборонялся за одной из нескольких небольших глиняных стен, которые были расположены на небольшом расстоянии друг от друга. Британцам удалось остановить наступление французов. На следующий день французы не показывались, а на третий день утром они появились и подошли к другой подобной стене примерно в 40 ярдах (около 36 м) от той, за которой находились британцы. Весь день шел дождь, французы не атаковали, и даже стрельбы было мало. Ночью полк получил приказ закрыть свои шотландские береты черной матерней и надеть шинели. Далее шотландец рассказывает:

Следующим утром французы, увидев нас в таком виде, подумали, что мы отступили и оставили португальцев защищать высоты. С

ужасными воплями они перескочили через ту стену, перед которой они стояли, когда ее защищали британцы. Мы едва смогли противостоять их ярости. Отступить было невозможно; позади была вспаханная земля, глубоко промоченная дождем. В нее мы и свалились, вперемешку, французы и британцы, перемешанные вместе. Это было испытание силы в одиночном бою; у каждого был свой противник, у многих было по два. Я припер одного к стене острием моего штыка. Он не был ранен: я бы пощадил его, но он не пощадил себя. Он проклинал меня и бросал мне вызов, не прекращал угрожать моей жизни, пока не пал, пронзенный моим штыком. Его дыхание затихало среди проклятий и угроз. Это было делом одного момента: я был принужден к этой крайности. На меня снова напали, но мой противник пал, сраженный случайным выстрелом. Вскоре мы принудили их отступить за стену, они проклинали свою ошибку. В этот момент я стоял, переводя дыхание; на моих ногах не было башмаков; мой берет упал на землю. Не обращая внимания на мое положение, я последовал за противником через стену. Мы преследовали их около мили [около 1,5 км], а затем вернулись к месту борьбы. Оно было завалено убитыми и ранеными, беретами и башмаками, втоптанными и влепленными в грязь. Я нашел пару башмаков: были они мои или нет, я не могу сказать; они были хорошие⁵⁸.

Очевидно, что обе стороны первоначально находились за стенами, которые укрывали их от огня друг друга. Французам нужно было преодолеть очень короткое расстояние, чтобы дойти до британцев, так что когда французы бросились вперед, у британцев не было достаточно времени, чтобы остановить их огнем или отступить самим. К тому же отступление было бы затруднено из-за вспаханной и размокшей земли позади. Из описания видно, что это не был бой строй на строй, обе стороны были в полном беспорядке. Обращает на себя внимание и еще одна деталь – шотландец как бы оправдывается за то, что убил француза: он был «принужден к этой крайности» только вызывающим поведением своего противника.

В работах участников наполеоновских войн можно найти различные объяснения того факта, что штыковой бой на более или менее открытом месте был очень большой редкостью. Французский генерал инженерных войск Жозеф Ронья (Joseph Rogniat), который написал книгу о военном искусстве (впер-

ые издана в 1816 г.), полагал, что, по сравнению с древними римлянами и галлами, у солдат XIX в. намного меньше храбрости, и у них нет защитного снаряжения, поэтому они предпочитают позорно обращаться в бегство, чем схватиться врукопашную⁵⁹.

Французский кавалерийский генерал Жан-Батист Антуан Марселе де Марбо (Jean-Baptiste Antoine Marcellin de Marbot), который написал критические замечания на книгу Ронья, утверждал, что дело не в недостатке храбрости у солдат, а в том, что по сравнению с древними римлянами пехотинцы XIX в. находились в совсем других условиях: дальность и эффективность огнестрельного оружия вынуждает располагать вторую линию пехоты на гораздо большей дистанции от первой, чем это было у римлян, и в результате в критические моменты боя солдаты первой линии не имеют непосредственной поддержки от второй линии. Кроме того, чтобы дойти до противника, пехоте нужно преодолеть значительное расстояние под сильным огнем противника, который причиняет потери и вызывает нарушения строя. По мнению Марбо, у солдат XIX в. было не меньше храбрости, чем у древних римлян, это доказывают атаки на укрепления, редуты и бреши в стенах крепостей, в которых, по его словам, пехотинцы часто сражались штыками⁶⁰.

Как уже упоминалось, генерал Лежен высказывал похожее мнение: штыковые бои были очень редкими потому, что солдаты бывают деморализованы обстрелом и начинают отступать до того, как противник приблизится к ним⁶¹. Однако дело было не только и даже не столько в стрельбе, потому что часто отступали как раз те, которые стреляли, а побеждали те, которые наступали без стрельбы.

Французский офицер Жак Франсуа Мартен (Jacques François Martin), в 1813 г. офицер в 154-м полку линейной пехоты и участник кампании 1813 г. в Германии, отмечал, что при штыковых атаках дело очень часто оказывается решенным еще до того, как скрестятся штыки. По его словам, батальон, который близок к тому, чтобы быть разбитым, в критический момент предвещает это видом волнения в строю (*une espèce d'ondolement dans sa ligne*), и катастрофа следует незамедлительно. По выражению Мартина, можно сказать, что такой батальон бывает опрокинут дыханием атакующих, потому что в это время только превосход-

дящая энергия воздействует, подобно магнитному полю, на менее решительного противника⁶².

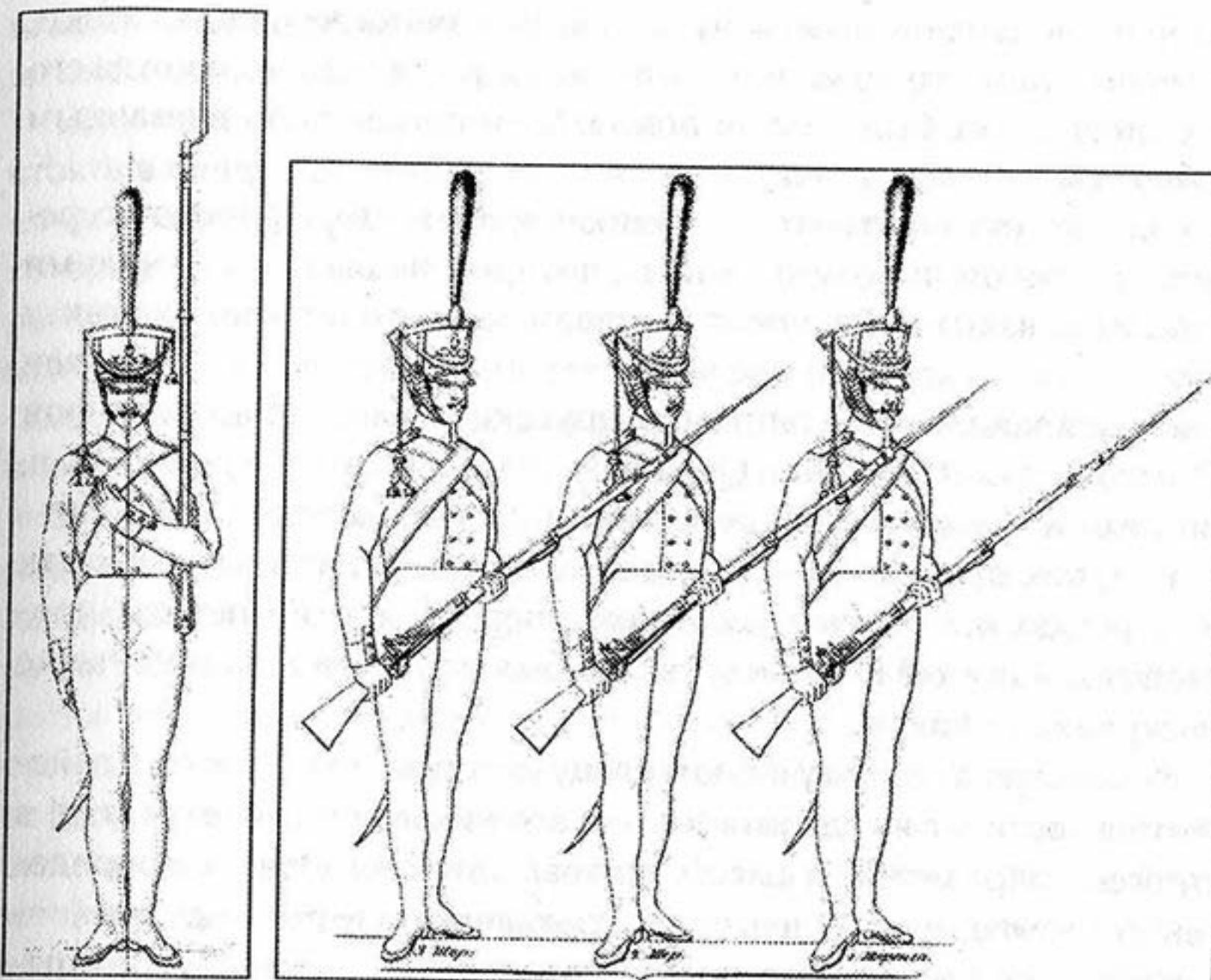
В действительности дело было не во влиянии некоего поля. Исход штыковой атаки решали психологические факторы, а именно моральный дух и впечатление, которое противники производили друг на друга. Уже в XVIII в. было известно, что наступающие солдаты имеют существенное моральное преимущество. Оно заключалось в уверенности, которую придавало атакующим быстрое и смелое движение вперед, тогда как противник, видя, что, несмотря на его стрельбу, враг приближается, потрясен и начинает колебаться⁶³. Это наблюдение много раз подтверждалось в сражениях наполеоновских войн. Жомини писал:

В прошедших войнах мы неоднократно видели, как русские, французские и прусские колонны захватывали позиции с ружьями на руку [au bras], не сделав ни единого выстрела; это был триумф натиска [impulsion] и морального воздействия, которое он производит...⁶⁴

Таким образом, причины отступления одной из сторон при штыковой атаке лежали в области психологии – либо обороняющимся не хватало стойкости, что выдержать приближение атакующих, либо атакующим не хватало решимости, чтобы выдержать огонь обороняющихся и дойти до них.

Упомянутый Жомини термин из французского устава «l'arme au bras» буквально означает «оружие на руку»; в русском уставе 1811 г. аналогичный способ держать ружье называется «под курок»⁶⁵. В этом положении левая рука согнута, ладонь прижималась к груди, ружье находилось в вертикальном положении дулом вверх на левом плече и опиралось курком на предплечье левой руки, правая рука была свободна.

Термин «на руку» в русской армии имел совсем другое значение – ружье в обеих руках штыком вперед. По французскому уставу такое положение солдаты принимали по команде «croisez la bayonnette» (буквально «скрестить штык»)⁶⁶. Такое положение полагалось принимать при сближении с пехотой противника и при отражении атаки вражеской кавалерии. Следует отметить, что в мемуарах и рапортах встречается выражение «пехота скрестила штыки», которое некоторые читатели понимают в том смысле, что штыки противников соприкоснулись, т. е. принимают за указание на штыковой бой, однако это всего лишь озна-

Слева: Положение «под курок». Справа: Положение «на руку».

Показан один ряд солдат в строю в три шеренги.

Рисунок из Воинского устава о пехотной службе. СПб., 1811

чает, что солдаты взяли ружья обеими руками и выставили их штыками вперед.

Несмотря на то что наступающие имели моральное преимущество, атака пехоты на противника, который стоял в полном порядке и был готов к отражению атаки, была трудным испытанием и рискованным предприятием. Атакующие подвергались сначала артиллерийскому, а потом и ружейному огню. При этом наступающая пехота не могла отвечать эффективным огнем, потому что в ту эпоху пехота в строю могла эффективно стрелять только стоя на месте. Когда наступающая пехота подходила близко к противнику, она закрывала его от своей артиллерии, и та была вынуждена прекращать огонь, в отличие от артиллерии противника.

Для того чтобы повысить шансы на успех атаки, ее следовало подготовить огнем артиллерии. Кроме этого, желательно было

выбрать подходящий момент: когда противник не ожидал атаки, совершил перестроение или был совсем расстроен, или когда его моральный дух был сильно поколеблен каким-либо внезапным событием.

Следует отметить, что в публикациях многих офицеров середины и второй половины XIX в., которые не были участниками наполеоновских войн, но затрагивали вопрос о штыковых атаках и штыковых боях в наполеоновскую эпоху, этот вопрос изложен в целом правильно⁶⁷. Например, прусский офицер Бартольд фон Квисторп (Barthold von Quistorp), который в середине XIX в. написал несколько книг по истории наполеоновских войн, объясняет, как происходили атаки пехоты в батальонных колоннах со стрелками в рассыпанном строю впереди против пехоты противника, который стоял на месте и был построен в линию, также со стрелками впереди:

Сомкнутую атаку на учебном плацу исполняют так, как ее в действительности хотят сделать, но как это никогда не удается, т. е. в строгом направлении и шагом, до последнего мгновения в определенном темпе, и за 20 шагов до противника опустить оружие [перевести ружья из вертикального положения в горизонтальное штыком вперед]. На поле боя так хорошо держать шаг не удается никогда; все, чего можно достигнуть – это чтобы под постоянным побуждением офицеров строй колонны только оставался плотным, и все образовывали прочную массу. Барабанный бой является очень полезным, но не для сохранения шага – так как это бесполезно – а для подъема мужества. Это производит хорошее впечатление, когда повсюду справа и слева раздается сигнал «марш-атака» [Sturmmarsch], и каждый солдат из этого заключает, что не только он, но и все его товарищи участвуют в смелом наступлении.

Если штыковая атака имеет хорошее продолжение, то сначала уклоняются вражеские стрелки, если, наконец, также огонь сомкнутой линии [противника] ее [атаку] не останавливает, в таком случае постепенно повсюду [противники] поворачивают кругом и беспорядочно убегают. Этот успех происходит действительно не от потерь в людях, которые ей [атакой] наносятся, так как самое большое, сопровождающие [атакующих] стрелки причиняют им [противникам] некоторый ущерб, сколько потому, что их [противников] стойкость была сломлена безостановочной атакой. Если описание сражения свидетельствует: противник был отброшен штыковой

атакой – то под этим как правило подразумевается: ему угрожали штыками, и он счел за лучшее уклониться от этой угрозы...

Если набросать картину неудачной атаки, то таковая будет состоять в следующем: как только воздействие неприятельского огня на продвигающийся вперед батальон станет сильным, то шаги, которые до этого были смелыми, начинают укорачиваться; определенная нерешительность овладевает головой [колонны], которая, может быть, вначале еще будет подталкиваться задними шеренгами, которые не столь сильно страдают от огня, но в конце концов совершенно остановится. Ободряющим словом командиров иная атака снова может быть приведена в движение, но сначала люди начинают без команды стрелять, потом теряется всякая надежда. Даже у дисциплинированных войск этот огонь без приказа есть обычное явление; человек не может больше видеть рядом своих товарищей падающими и не мстить, и инстинктивно хватается за противодействие, отвечая огнем. Пример тотчас заражает [других солдат]; так возникает навязчивый огонь, затем колонна окончательно останавливается, естественно на эффективной дистанции стрельбы [от противника], так что потери мгновенно становятся большими. Через несколько минут колонна без приказа поворачивает и бежит назад – даже лучшие войска – так быстро, как их могут нести ноги. Если потом известие говорит: батальон вынужден был уклониться и отступил в полном порядке – то под этим понимается, что он, как только вышел из-под эффективного огня, собрался по призыву офицеров и снова пришел в порядок. Плохие войска в подобных случаях вообще только частично снова собираются, и обычно много дальше позади.

Промежуточный вариант между обеими крайностями образуют наполовину удачные атаки, которые доходят до эффективной дистанции стрельбы и потом перерождаются в неподвижный огневой бой, в результате которого оба отряда [противостоящих друг другу] в большинстве случаев становятся расстроенным⁶⁸.

Как можно видеть, Квисторп считал, что главная причина неудач пехотных атак заключалась в том, что атакующие не выдерживали огня противника, открывали ответный огонь, в результате чего останавливались, и атака превращалась в перестрелку, продолжительность которой зависела также от морального духа противостоящих отрядов. В тексте Квисторпа также можно отметить интересный момент: он объясняет, как

следует понимать такие достаточно стандартные выражения в рапортах военачальников и в описаниях сражений, как «противник был отброшен штыковой атакой», батальон «вынужден был уклониться и отступил в полном порядке» – выражения, легко вводящие в заблуждение читателя, незнакомого с реалиями войны.

Штыковая атака считалась более предпочтительным способом сбить противника с занимаемой им позиции, чем ружейный огонь. Перестрелка могла затянуться, так что в результате обе стороны могли понести значительные потери до того, как одна из них начинала отступать, причем потери нередко были примерно равные. Штыковая атака в случае успеха приносила скорый и решительный результат: противник отступал или обращался в бегство, причем потери атакующих могли быть относительно небольшими. Однако в случае неудачи потери атакующих могли быть значительными, и тогда они поспешно возвращались назад в полном беспорядке.

В заключение следует сказать, что в новейших иностранных исследованиях по тактике XVIII–XIX вв. вопросы штыковых атак и штыковых боев также изложены в целом правильно, хотя не очень подробно и не очень глубоко⁶⁹.

¹ См.: Леонов О.Л. Роль и место индивидуального штыкового боя в тактике русской пехоты в сражениях наполеоновской эпохи // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы VII Всеросс. науч. конф. М., 2004. С. 58–75.

² См.: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 2001. Т. 4. С. 191; Duffy C. The Army of Frederick the Great. New York: Hippocrene Books, 1974. P. 90; Nosworthy B. The Anatomy of Victory: Battle Tactics 1689–1763. New York: Hippocrene Books, 1992. P. 190–192.

³ Мнения авторов XVIII в. см.: Duffy C. The Military Experience in the Age of Reason. 2 ed. Ware: Wordsworth Editions Limited, 1998. P. 204–206; Nosworthy B. Op. cit. P. 111; Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. 4. С. 354 (примеч. 79 к 3-й части).

Мнения британских офицеров, участников наполеоновских войн, см.: «Operations of Picton's Division in the Campaign of Waterloo // United Service Journal. 1841. Part 2. P. 179–180; Mitchell J. Thoughts on Tactics and Military Organization. London, 1838. P. 43, 64; Muir R. Tactics and the Experience of Battle in the Age of Napoleon. New Haven and London: Yale University Press, 1998. P. 86–87.

Мнение французского офицера, участника наполеоновских войн, см.: Chambray G. de. Quelques réflexions sur l'infanterie de nos jours, et en particulier sur l'infanterie française et sur l'infanterie anglaise // Œuvres du Marquis du Chambray. Paris, 1840. Т. V. P. 318. Мнения еще нескольких французских офицеров приведены в статье далее.

⁴ Langeron A. de. Journal des campagnes faites au service de Russie. T. IV (1807–1809). Копия // Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (дальше – ОР РНБ). Ф. 73. Ед. хр. № 275. Л. 415. Продолж. примеч. 2 с л. 414 (ср. пер., не очень точный: Из записок графа Ланжерона // Русская старина. 1908. Т. 134. № 3. С. 235, п. 2).

Здесь и далее при цитировании: в квадратных скобках – воспоминания на языке источника, сохранен курсив.

⁵ См.: Langeron A. de. Op. cit. Т. III (1805) // ОР РНБ. Ф. 73. Ед. хр. № 276. Л. 131 (пер.: Записки графа Ланжерона // Воспоминания. 1900. № 12. Прил. С. 59).

⁶ См.: Langeron A. de. Op. cit. Т. VI (1812–1814) // ОР РНБ. Ф. 73. Ед. хр. № 277. Л. 88; то же: Langeron. Mémoires de Langeron, général d'infanterie dans l'armée Russe. Campagnes de 1812, 1813, 1814. Paris, 1902. Р. 73; (ср. пер.: Березинская операция в войну 1812 года. Записки графа Ланжерона. [Б. м., б. г]. С. 137).

⁷ Langeron A. de. Journal. Т. VI. Л. 288–289; то же: Langeron. Mémoires. Р. 252–253.

⁸ Цит. по: Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. Сб. док. М., 1964. С. 246–247 (ссылка на ЦГВИА. Ф. ВУЛ. Д. 3939. Ч. 1. Л. 13–18); в данной публикации Пашебургский полк ошибочно назван Потсдамским.

⁹ Журнал корпуса генерала от инфантерии графа Ланжерона, во время воспоминаний Силезской армии против французов, с последних чисел июля месяца 1813, по 21-е марта 1814 г. // Воспоминания. 1838. № 2. С. 74–75.

¹⁰ Богданович М.И. История войны 1813 года за независимость Германии, по достоверным источникам. СПб., 1863. Т. 2. С. 65.

¹¹ Описание сражения при Кацбахе (Из Журнала графа Ланжерона) // Воспоминания. 1817. Кн. 4. С. 50.

¹² Jomini A.H. de. Précis de l'art de la guerre ou nouveau tableau analytique des principales combinaisons de la stratégic, de la grande tactique et de la politique militaire. 2 part. Paris, 1838. Р. 240–241 (ср. пер.: Жомини Г.В. Краткое изложение воспоминаний искусства, или Новый аналитический обзор главных соображений стратегии, высшей тактики и военной политики. СПб., 1840. Ч. 2. С. 211. Термин «стрельба рядами» (feu de file) переведен как «батальный огонь», понятие близкое, но все же не полностью совпадающее).

¹³ Württemberg E. von. Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812 in Rußland von dem Herzog Eugen von Württemberg. Als Commentar zu mehreren vorausgegangenen, diesen Gegenstand betreffenden Schriften. Breslau, 1846. S. 168–169; то же: Württemberg E. von. Memoiren des Herzogs Eugen von Württemberg. Frankfurt am Oder, 1862. Т. 2. С. 269–271. В единственном опубликованном русском переводе смысл существенно искажен: «Изо ста случаев, разве только один раз встретится такой, где дойдет до действительного рукопашного боя; во всех прочих девяносто девяти случаях штык составит только как бы род украшения. <...> Успешные удары в штыки я могу припомнить себе только в тех случаях, где неприятель, расстроенный местными препятствиями, еще прежде момента подобной атаки находился уже в отступлении и представлял все выгоды преследования». (Воспоминания. 1849. № 3. С. 126–127).

¹⁴ Württemberg E. von. Erinnerungen... S. 58, 169 (ср. пер.: Воспоминания. 1848. № 1. С. 36; 1849. № 3. С. 128).

¹⁵ Письмо-дневник от 17 октября 1806 года по 23 февраля 1807 года, писанное штабс-капитаном Василием Демчинским Петру Петровичу Коновницкому 1 марта 1807 года // Воспоминания. 1941. № 5. С. 127.

- ¹⁶ См.: Württemberg E. von. *Mémoires...* T. 1. S. 165–166.
- ¹⁷ Письмо-дневник ... писанное штабс-капитаном Василием Демчипским... С. 126.
- ¹⁸ *Journal du Capitaine Bonnet du 18e de ligne (Campagne de 1812) // Carnet de la sabretache.* 1912. (Deuxième sér.). Vol. 11. P. 658–659.
- ¹⁹ Симанский Л.А. Журнал участника войны 1812 года // Военно-исторический сборник. 1913. № 3. С. 34.
- ²⁰ Württemberg E. von. *Mémoires...* T. 3. S. 157–158 (ср. пер.: Действия правого крыла союзных армий от 25-го до 30-го августа 1813 г. Из записок припца Евгения Вюртембергского, командира 2-го русского корпуса // Военный сборник. 1875. № 8. Ч. 1. С. 183).
- ²¹ Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 187.
- ²² См.: Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова 1798–1826. М., 1991. С. 73; Граббе П.Х. Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. М., 1873. С. 48; Петров М.М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 г. // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 183–184; Поров В.С. Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя. СПб., 1834. Т. 1. С. 52.
- ²³ См.: Bunbury H.E. *Narratives of Some Passages in the Great War with France, from 1799 to 1810.* London, 1854. Vol. 1. P. 245: slaughter, сражение при Майде (Maida, южная Италия, 4 июля 1806 г.; см. также: Muir R. Op. cit. P. 86: slaughter в письме генерала Джона Стюарта (John Stuart) об этом сражении); Rait R.S. *The Life and Campaigns of Hugh, first Viscount Gough, Field Marshal.* London, 1903. Vol. 1. P. 53: carnage в письме о сражении при Барросе (Barrosa, Испания, 5 марта 1811 г.).
- ²⁴ Thiébault P.-C.-F. *Mémoires du général baron Thiébault.* 4 éd. Paris, 1894. Т. 3. P. 474–475, 477, см. также р. 469, н. 1.
- ²⁵ Langeron A. de. *Journal.* T. III (1805). Л. 68–70, 126–128 (ср. пер.: Военный сборник. 1900. № 12. Прил. С. 31–32, 56–58), приведенная цитата – по рус. изд.
- ²⁶ См.: Ibid. Л. 128–130 (ср. пер.: Военный сборник. 1900. № 12. Прил. С. 58).
- ²⁷ См.: Stutterheim K. von. *La bataille d'Austerlitz.* Paris, 1806. P. 91–92; Berg G. von. *Leben von Gregor von Berg, Russisch-Kaiserlicher, der Dienstes entlassener General der Infanterie...* Dresden, 1871. S. 189.
- ²⁸ Чандлер Д. *Военные кампании Наполеона.* М., 1999. С. 357.
- ²⁹ См.: Шикапов В.И. Первая польская кампания 1806–1807. М.: «Рейтар», 2002. С. 267 (без ссылки); Васильев И.П. Несостоявшийся реванш: Россия и Франция 1806–1807. М., 2010. Т. 3. С. 69 (ссылка на Чандлера).
- ³⁰ Norvins J.M. de. *Histoire de Napoléon.* Paris, 1827.
- ³¹ Norvins J.M. de. Lanzac de Laborie L. de. *Souvenirs d'un historien de Napoléon: Mémorial de J. de Norvins.* Paris, 1897. Vol. 3. P. 205–206.
- ³² Thiébault P.-C.-F. Op. cit. T. 3. P. 477–478.
- ³³ См.: Ledru des Essarts F.R., Bonnery J.L. (ed.) *Ledru des Essarts, un grand patriote sarthois méconnu, la vie de ce soldat courageux qui n'aimait que la paix.* Le Mans: J.L. Bonnery, 1988. P. 42.
- ³⁴ См.: Pouget F.R. *Souvenirs de guerre du général baron Pouget.* Paris, 1895. P. 73.
- ³⁵ См.: Girod de l'Ain F.J.M. *Dix ans de mes souvenirs militaires (de 1805 à 1815).* Paris, 1873. P. 57–58.
- ³⁶ Давыдов Д.В. Сочинения. М., 1860. Ч. 2. С. 213–214.
- ³⁷ Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова... С. 146.
- ³⁸ Граббе П.Х. Указ. соч. С. 47–48.
- ³⁹ Ермолов А.П. Указ. соч. С. 85.
- ⁴⁰ Любенков Н.Т. *Рассказ артиллериста о деле Бородинском.* СПб., 1837. С. 45–50.
- ⁴¹ Афанасьев В. Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 года. М., 1912. С. 51.
- ⁴² См.: Богданович М.И. *История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам.* СПб., 1859. Т. 2. С. 586; Бородино. Документы... С. 185–186.
- ⁴³ Бородино. Документы... С. 238.
- ⁴⁴ Зотов Р.М. *Рассказы о походах 1812го и 1813го годов, прапорщика Санктпетербургского ополчения.* СПб., 1836. С. 49–52.
- ⁴⁵ Записки Рафаила Михайловича Зотова // *Исторический вестник.* 1896. Т. 64. № 6. С. 786.
- ⁴⁶ Апухтин В.Р. *Народная военная сила. Дворянские ополчения в Отечественную войну.* Т. I. М., 1912. Ч. 2. С. 104; Центральный Государственный Исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф. 189. Оп. 1. Д. 324. Л. 978 и об.; РГИА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 14. Л. 266.
- ⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 221. Л. 661.
- ⁴⁸ Там же. Л. 661 и 514 соответственно.
- ⁴⁹ Там же. Л. 514.
- ⁵⁰ См.: Heulman. *Die Kämpfe der Bayern an der Düna im Oktober 1812 und der Anfang vom Ende // Jahrbücher für die Deutsche Armee und Marine.* № 37. В. XIII. Н. 1. Oktober 1874. С. 35.
- ⁵¹ См.: Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-учёного архива Главного штаба. Отд. 1. Т. 19. СПб., 1912. С. 362; *Journal d'opérations du 1er corps russe (Wittgenstein), août-décembre 1812 // Revue des études napoléoniennes. Première année.* Т. I. Jan. – juin 1912. Р. 305, н. 1; Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 177, н. 13 (с. 451).
- ⁵² Бутовский И.Г. Фельдмаршал князь Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. СПб., 1858. С. 48–50.
- ⁵³ Bigarré A.J. *Mémoires du général Bigarré, aide de camp du roi Joseph.* Paris, 1893. Р. 177.
- ⁵⁴ См.: Okounoff N.A. *Examen raisonné des propriétés des trois armes de leur emploi dans les batailles et de leur rapport entre elles.* Paris, 1832. Р. 72, н. 1 (продолж. на p. 73).
- ⁵⁵ Lejeune L.F. *Mémoires du Général Lejeune.* Paris, 1895. Vol. 2. Р. 76–77.
- ⁵⁶ Blakeney R. *A Boy in the Peninsular War.* London, 1899. Р. 195.
- ⁵⁷ Из воспоминаний Болговского // Харкевич. 1812 год. Вып. 1. 1900. С. 231–232.
- ⁵⁸ *Journal of a Soldier of the 71st, or Glasgow Regiment, Highland Light Infantry, from 1806 to 1815.* 2 ed. Edinburgh, 1819. P. 115–117 (Nosworthy ошибочно указывает, что автор цитаты – Robert Blakeney: Nosworthy, With Musket, Cannon and Sword. P. 46–47).
- ⁵⁹ См.: Rogniat J. *Considérations sur l'art de la guerre.* 3 éd. Paris, 1820. P. 146.
- ⁶⁰ См.: Marbot J.-B.-A.-M. de. *Remarques critiques sur l'ouvrage de M. le lieutenant-général Rogniat.* Paris, 1820. P. 296–298.
- ⁶¹ См.: Lejeune L.F. Op. cit. Vol. 2. P. 76.
- ⁶² См.: Martin J.F. *Souvenirs d'un ex-officier (1812–1815).* Paris, 1867. P. 169.
- ⁶³ См.: Guibert J.A.H. de. *Essai général de tactique.* Liege, 1773. Т. 1. P. 85–86.

⁶⁴ Jomini A.H. de. Op. cit. IIe partie. P. 231 (пер. см. по рус. изд. в ссылке 12: Ч. II. С. 202–203).

⁶⁵ См.: Règlement concernant l'exercice et les manœuvres de l'infanterie du 1er août 1791. Paris, 1792. P. 38 (Pl. V. Fig. 3); Воинский устав о пехотной службе. СПб., 1811. С. 33–34 (Пл. VII. Фиг. 1).

⁶⁶ См.: Règlement ... du 1er août 1791. P. 42 (Pl. V. Fig. 4); Воинский устав о пехотной службе, 1811, С. 38–39 (Пл. VIII. Фиг. 1).

⁶⁷ См.: Azémar L.M.M. d'. Combats à la baïonnette. Paris, 1859. P. 13 (См. пересказ на рус. яз.: Веселитский С. Штыковой бой // Военный сборник. 1861. № 11. С. 99); Picq C. Ardant du. Études sur le combat. Paris, 1880. P. 111–113, 118–125 (см. пер. на рус. яз.: Пузыревский А.К. Исследование боя в древние и новейшие времена. Извлечение из французского сочинения полковника де Пика. 3 изд. СПб., 1911. С. 67–69, 72–76).

⁶⁸ Quistorp B. von. Die Kaiserlich Russisch-Deutsche Legion. Berlin, 1860. S. 92–94. Примеч. авт.

⁶⁹ См.: Duffy C. The Military Experience... P. 204–206; Nosworthy B. With Musket, Cannon, and Sword: Battle Tactics of Napoleon and His Enemies. New York: Sarpedon, 1996. P. 44–47; Muir R. Op. cit. P. 86–89.